

ПОЛКОВНИК ИЛАЙ МАККАЛЛОУ

Из фондов WPA 1936 года*

Мне предсказали, что я доживу до ста лет, и, перешагнув этот рубеж, я перестал сомневаться в этом пророчестве. Я умираю вовсе не христианином, хотя скальп мой цел, но если существуют Земли Вечной Охоты, туда-то меня и направят. Туда или к реке Стикс. Сегодня мне кажется, что жизнь была чересчур коротка: еще год — и я мог бы сделать что-нибудь полезное. А вместо этого прикован к постели и гажу под себя, как младенец.

Что стоит Создателю подкинуть мне силенок, чтобы смог я подобраться к воде, что течет через пастбища. Река Нуэсес, восточная излучина. Я всегда питал слабость ко всякой языческой бесовщине. Мысленно я уже трижды туда добирался. Известно же, что Александр Великий в последнюю ночь

* Администрация развития общественных работ, созданная в 1935 году в рамках осуществления Нового курса Рузвельта; призвана была предоставлять работу тем, кто получал до этого пособие по безработице. В рамках государственной программы среди прочего выходили исследования по истории США, каталоги и публикации для государственных, муниципальных служб, исследования по медицине и демографии. Под руководством доктора Лютера Х. Эванса была собрана крупнейшая коллекция мемуаров, устных и письменных воспоминаний известных людей во многих штатах. — *Здесь и далее примеч. перев.*

своей земной жизни улизнул из дворца и пытался прыгнуть в Евфрат — понимал: если тело его исчезнет без следа, люди решат, что он, подобно богам, вознесся на небеса. Жена поймала его в последний момент. И приволокла домой, вынудив умереть как обычный смертный. А еще спрашивают, почему я не женился второй раз.

Если б явился мой сынок, я бы не стерпел его победной улыбки. Семя моего позора. Мне известно, чего он достиг, и подозреваю, он давно благословил берега Иордана, раз уж Квана Паркер, последний вождь команчей, даровал парню жалкий шанс дожить до пятидесяти. В обмен на эти сведения я отдал Кване и его воинам молодого бычка; великолепное животное забили копьями по старому обычаю на моем пастбище, что прежде было их охотничьими угодьями. Вместе с Кваной пришел и почтенный вождь арапахо, и когда мы уселись, чтобы разделить еще теплую печень быка, омытую его собственной желчью, как велит древний обычай, он вручил мне серебряное кольцо, собственноручно снятое им с пальца Джорджа Армстронга Кастера*. На кольце есть надпись «7 Кав.» и глубокая царапина от копыя. Но подходящего наследника я лишен, так что унесу это кольцо с собой в воды реки.

За то время, что я живу, можно привыкнуть ко всему. Декларация независимости, освободившая Республику Техас от мексиканской тирании, была ратифицирована 2 марта 1836 года в жалкой лачуге на берегу Бразос. Половина из подписавших ее страдали от малярии; другая половина — сплошь бандиты, бежавшие в Техас от виселицы. Я был первым младенцем мужского пола, родившимся в новой республике.

Испанцы торчали в Техасе сотни лет, но все без толку. После прибытия Колумба они покорили всех индейцев, стоявших на их пути, и хотя я не встречал ни одного ацтека, те наверняка напоминали тихих мальчиков из церковного хора. И только липаны-апачи остановили конкистадоров. А потом

* Американский кавалерийский офицер, отчаянный храбрец, безжалостно истреблявший аборигенов. Погиб в сражении с индейцами дакота, весь его отряд был разгромлен.

пришли команчи. Со времен монгольского нашествия мир не знал подобного. Они скинули в море апачей, разогнали испанскую армию, превратили Мексику в невольничий рынок. Я видел однажды, как команчи гнали пленников вдоль Пекос, сотни людей гнали как скот.

Почти поверженное аборигенами мексиканское правительство придумало отчаянный план умирения и колонизации Техаса. Любой человек, абсолютно любой национальности, готовый поселиться к западу от реки Сабин, получит четыре тысячи акров свободных земель. Примечание к контракту, которое обычно печатают мелким шрифтом, в данном случае было написано кровью. Философия команчей по отношению к чужеземцам непогрешима, как сам Папа: мужчин — пытать и убивать, женщин — насиловать и убивать, детей — обращать в рабов или усыновлять. Мало кто из старушки Европы откликнулся на заманчивое предложение. Точнее, вообще никто. В отличие от американцев. Они-то хлынули мощным потоком. У них, видать, были лишние женщины и дети, которых можно принести в жертву Господу, — ибо мне даровано снимать плоды с древа жизни, как говорится.

Мой отец прибыл в Матагорда в 1832-м, в ту пору, когда смерть была обычным делом, а уж расстреляют тебя солдаты или команчи снимут скальп — все одно: Господь, считай, оказал тебе великую милость. К тому времени мексиканское правительство, встревоженное нашествием северных орд в свои пределы, запретило американцам иммиграцию в Техас.

И все равно это было лучше, чем жизнь в Старых Штатах, где на твою долю выпадали только жалкие крохи вроде редких колосков с уже убранного поля, если ты, конечно, не сын плантатора. Это пускай официальные документы доказывают, что, мол, только благодаря богатеям из Остина и Хьюстона мексиканцы смогли уцелеть и сохранить свои земли. Их потомки затеяли настоящую войну в книгах и газетах, лишь бы обелить имена родственничков и объявить их Основателями Техаса. На самом деле только простые люди, нищие, вроде моего отца, воевали за Техас.

Как любой здоровый боеспособный шотландец, он сражался у Сан-Хасинто*, а после войны был и кузнецом, и оружейником, и землемером. Высокий, с гордой осанкой и сильными руками, словоохотливый — рядом с ним люди чувствовали себя уверенно и спокойно и лишь позже поняли, насколько они заблуждались.

Отец мой не был религиозен, оттого, наверное, я и вырос язычником. Впрочем, он будто всегда чувствовал дыхание бледного коня у себя за спиной. Всегда считал, что последние времена близки. Сначала мы жили в Бастропе, выращивали кукурузу, сорго, разводили свиней, расчищали пустоши под посевы. Пока не явились новые поселенцы, из тех, что дожидались, пока минует угроза нападений индейцев. Они привели с собой законников, чтобы оспорить заслуги и права тех, кто осваивал эту землю и побеждал краснокожих. Первые техасцы получили свои владения, заплатив за них настоящую цену — цену человеческой жизни, а читать и писать большинство из них не умело. К десяти годам я выкопал уже четыре могилы. Вся семья мгновенно просыпалась, едва услышав топот копыт, и когда гонец с очередными вестями появлялся на пороге — кого-то из соседей закололи, как свиней на колбасы, — отец заряжал ружье и вместе с гонцом растворялся во мраке ночи. Храбрецы умирают молодыми — эта поговорка в ходу у команчей, но справедлива она и по отношению к первым американцам в Техасе.

Целых десять лет мужественные техасцы справлялись в одиночку. Однако правительству очень нужны были новые люди, особенно люди с деньгами. Слово невидимый телеграф донес благую весть Старым Штатам: отныне эта страна безопасна. И в 1844 году у наших ворот появился первый чужак: стрижка от парикмахера, магазинная одежда, гнедая кобыла. Попросил зерна, потому как у его лошади копыта

* Сражение у Сан-Хасинто, состоявшееся 21 апреля 1836 г., стало решающей битвой Техасской революции. Техасская армия разгромила мексиканцев, а боевой клич техасцев «Помни Аламо!» с тех пор вошел в американскую историю.

воспаляются от травы. Лошадь, которая не может есть траву, — такого я в жизни не слышал.

Два месяца спустя у Смитвиков отсудили их участок, а потом за гроши купили землю Хорнсби и МакЛеодов. К тому времени в Техасе было больше законников на душу населения, чем в любой другой части континента, и через несколько лет все первые поселенцы потеряли свои земли и вынуждены были двигаться дальше на запад, вновь на индейские территории. Вся эта знать, подло укравшая чужое, уже замышляла войну, чтобы покрыть свои грязные делишки и сохранить своих черных рабов; Юг был бы разорен и погублен, но Техас, дитя Запада, остался бы в целостности и сохранности.

Тем временем тучи нависли над моей матерью, происшедшей из старого кастильского рода. У нее были тонкие черты лица, но кожа смуглая, и эти новые пришельцы объявили ее окторонкой — у нее якобы 1/8 негритянской крови. Господа белые плантаторы гордились своим умением замечать такие вещи.

К 1846 году мы перебрались за границы поселений, на отцовский надел на реке Педерналес. Это были охотничьи угодья команчей. Здешние рощи никогда не слышали звука топора, земли были тучны, а звери, жившие на них, плодovitы. Густые травы почти в человеческий рост, жирный чернозем под ногами, а по склонам даже самых крутых холмов — море цветов. Совсем не то что нынешняя каменная пустыня.

Диким скотом легко обзаводиться при помощи лассо, и уже через год у нас было стадо в сотню голов. Свиньи и мустанги тоже ничего нам не стоили, бери сколько хочешь. А в придачу — олени, дикие индюки, медведи, белки, иногда даже бизоны; в реке — рыба, утки и черепахи; сливы, дикий виноград, хурма, дикий мед — насколько богата была эта земля тогда, и как же она испоганена людьми ныне. Одна была проблема — сберечь в целостности свой скаल्प.